

Багманова Лилия Ниязовна

**МИР РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЕВА
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань 2013

Работа выполнена на кафедре общей лингвистики и лингвокультурологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент
Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна

Официальные оппоненты: **Чернышева Алефтина Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики преподавания ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Ахметзянова Лиана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и татарского языков ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева»

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

Защита состоится «15» мая 2013 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Режим доступа <http://kpfu.ru>

Автореферат разослан « » апреля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено выявлению лингвокультурологических особенностей репрезентации мира русского православия в художественном тексте (на материале произведений И.С. Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье»).

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в последнее время интерес ученых к религиозной теме значительно возрос. Это объясняется тем, что сфера религии активно проникает в повседневную жизнь, влияя на духовно-нравственное воспитание молодежи в новой России, утратившей идеологию коммунистического общества. В этой связи творчество И.С. Шмелева приобрело широкую известность, так как оно передает сложную систему духовно-нравственных взглядов писателя, в которых нашли отражение постулаты русского православия.

Тема исследования актуальна с философско-нравственных позиций, так как в России в связи со сменой экономического строя были утрачены традиционные ценностные ориентиры, объединяющие общество. Эта ситуация обусловила повышенный интерес к нравственным ценностям религии, которые в современном обществе выполняют в рамках своих конфессий функцию воспитания и объединения людей.

Важность исследования определяется необходимостью целостного анализа языковой картины мира русского православия в творчестве И.С. Шмелева, функционального рассмотрения культурологически значимой лексики, отражающей духовно-нравственные основы менталитета русского народа.

И.С. Шмелев внес большой вклад не только в русскую, но и в мировую литературу XX века. Научный интерес к его творчеству не иссякает и по сей день, о чем свидетельствует целый ряд исследований, посвященных литературоведческому и лингвистическому анализу произведений И.С. Шмелева (Д.В. Макаров, У.С. Баймуратова, Н.Б. Подвигина и др.).

Объектом исследования является репрезентация русской православной культуры в языковых единицах, функционирующих в анализируемых произведениях И.С. Шмелева

Предмет исследования – ментальные модели лингвокультурем, характеризующих мир русского православия в исследуемых текстах.

Материалом исследования послужила автобиографическая диалогия И.С. Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье».

Новизна научного исследования заключается в том, что рассматривается не только религиозная лексика, но и языковые единицы, связанные с русской национальной культурой в целом. Это обусловлено шмелевской концепцией построения мира, основанной на идее о проникновении сакрального, духовного, православного во все сферы жизни русского человека.

Цель исследования состоит в комплексном изучении лингвокультурологических особенностей репрезентации русского православия в творчестве И.С. Шмелева.

Поставленная цель реализуется в решении следующих **задач**:

- изучить теоретические основы лингвокультурологического анализа в российской и зарубежной научных традициях, определить базовые теоретические понятия и методологическую платформу исследования;
- классифицировать лексику с национально-культурным компонентом значения и описать особенности ее функционирования в художественной картине мира произведений И.С. Шмелева;
- проанализировать ключевые лингвокультуры, характеризующие мир русского православия;
- выявить структуру ментальных моделей рассматриваемых лингвокультур;
- определить особенности восприятия современным читателем основных лингвокультур, репрезентирующих религиозное сознание, путем проведения ассоциативного эксперимента.

При исследовании были использованы **методы**: описательно-аналитический и статистический при первичном отборе и классификации эмпирического материала; компонентный и стилистический анализ; контекстуально-интерпретационный анализ при изучении особенности текста как феномена культуры; метод ассоциативного эксперимента.

Методологическую основу исследования составили следующие теоретические положения, представленные в научной литературе:

1) язык отражает во всех своих единицах культуру народа, вместе с тем существуют единицы, которые в концентрированном виде несут этнокультурную информацию (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, В.И. Карасик, В.В. Колесов, Т.Г. Фомина, Анна А. Зализняк, Р.Р. Замалетдинов, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев и др.);

2) знания и представления о мире, полученные человеком в процессе жизнедеятельности, существуют в его сознании в виде картины мира. Национально-культурные ценности, которые представляют собой высшие ориентиры поведения, являются базовой категорией при построении картины мира. Конфигурация ценностей определяет культурный тип той или иной общности, специфику национальных картин мира и находит выражение в языке (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин);

3) текст представляет собой феномен культуры, который обладает многомерными связями с другими явлениями культуры и фиксирует национальную специфику языкового сознания (С.А. Аскольдов, В.П. Белянин, Р. Барт, Т.М. Дридзе, А.А. Залевская, Ю.М. Лотман).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что изучение и анализ лексики, отражающей русскую православную культуру в языке писателя, позволяет внести вклад в уточнение и углубление перспектив и путей исследований в области интерпретации художественного текста в аспекте лингвокультурологии.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в лекционных курсах по русскому

языку, лингвокультурологии, интерпретации художественного текста, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингводидактике, практических занятий в школьном образовании. Результаты проведенного исследования могут быть востребованы при составлении учебных пособий по лингвокультурологии, стилистике и филологическому анализу художественного текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская православная культура имеет глубоко национальный характер, христианские каноны и догматы тесно связаны с обрядово-ритуальной системой традиционной культуры.

2. Архаический пласт русской языковой картины мира представляет собой симбиоз древнего мифологического мышления и христианских постулатов.

3. Изображение И.С. Шмелевым процесса формирования души ребенка в момент постижения им мироощущения православной культуры находит отражение на лексико-семантическом уровне исследуемых текстов.

4. Этнокультурная коннотация языковых единиц актуализируется через парадигматические и синтагматические ряды, деривационные связи, образные средства.

5. Ментальные модели лингвокультурем «Бог», «душа», «грех», «Великий Пост», «пища» в исследуемых произведениях И.С. Шмелева демонстрируют единство материального и духовного в русской православной культуре, выявляя такие ее особенности, как соборность, синкретизм, тяготение к природе.

6. Проведенный ассоциативный эксперимент, направленный на выявление восприятия современными школьниками лингвокультурем «Бог», «душа», «грех», позволяет говорить о неизменности мироощущения православной культуры читателями в начале XXI века.

Апробация работы.

Материалы и результаты исследования были представлены на заседаниях кафедры современного русского языка и методики преподавания КГУ (2010 г.), кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии КФУ (2011, 2012 гг.), II Международной научно-практической конференции «Межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в условиях глобализации: на пути к формированию гражданской идентичности» (Казань, 2011 г.), Всероссийской научной конференции с международным участием «Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства» (БашГУ, 2012 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2012 г.). Основные положения работы нашли свое отражение в шести публикациях по теме исследования, в том числе 2 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы определяется ее целями, методами и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения (Словарь культурных реалий).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, его цели и задачи, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются используемые при анализе методы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы лингвокультурологического анализа»** рассматриваются истоки и предпосылки возникновения антропоцентрической парадигмы знаний в лингвистической науке, место лингвокультурологии в системе наук о языке, определяются понятия «языковая картина мира» и «художественная картина мира», анализируются методы лингвокультурологического анализа.

Традиция изучения связей языка с мышлением, культурой и вообще духовной жизнью человека восходит к работам В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста. В России глубинная взаимообусловленность языка и культуры была развита в трудах отечественных лингвистов (А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.). Современная лингвистика ориентирована на говорящего человека и изучает язык в действии. Несмотря на то, что она не выработала единого процедурного метода и характеризуется многообразием школ и направлений, в ней действуют мощные интеграционные процессы, позволяющие выделить самые существенные свойства современных лингвистических исследований: антропоцентричность, экспансионизм (стремление расширить область исследования), функционализм и эксплантарность (объяснительность). Антропоцентризм является ведущим методологическим принципом для целого ряда современных направлений лингвистики (когнитивной лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, лингвопраксиологии, этнолингвистики, лингвокультурологии).

Термин «лингвокультурология» возник в связи с работами фразеологической школы В.Н. Телии [Телия 1996] и публикациями В.В. Воробьева [Воробьев 1997], В.А. Масловой [Маслова 1997] и др. Новое научное направление получило несколько близких по содержанию, но отличающихся важными нюансами определений. Лингвокультурология — «комплексная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [Воробьев 1997: 26]. О пограничном статусе новой дисциплины свидетельствует определение: «Это — наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая

проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Телия 1996: 8]. Лингвокультурология пересекается и с этнолингвистикой. Синхронная направленность лингвокультурологии отмечается в дефиниции, где она рассматривается как «та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия 1996: 217].

Следует отметить, что лингвокультурология находится на этапе своего становления и ее терминологический аппарат и методологическая база еще недостаточно разработаны. Общепринятым является определение лингвокультурологического исследования как изучение языка в неразрывной связи с культурой. Самым популярным материалом, иллюстрирующим особенности мировоззрения носителей языка, являются фразеологизмы, паремии и тексты классической литературы.

Объект лингвокультурологии – область взаимодействия языка, выступающего как транслятор культурной информации, и культуры как исторической памяти народа. Предмет исследования (как часть объекта) – единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты деятельности человеческого сознания – архетипического и прототипического, закрепленные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах и т.п.

В настоящее время к числу стержневых терминов понятийного аппарата лингвокультурологии относится понятие «лингвокультурологически значимая единица».

С целью устранения многозначности и смысловой размытости термина «концепт» исследователями в качестве базового понятия лингвокультурологии предлагается использовать термин «лингвокультурема» (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьев).

Лингвокультурему определяют как ментальное образование, которое имеет этнокультурную маркировку и вербализуется в лексеме (слове) или словосочетании. В отличие от слова, лингвокультурема связана более чем с одной лексической единицей, поэтому соотношение семантики слова и совокупности смыслов одноименной лингвокультуремы является многоплановым.

Так называемое «членение мира», о котором часто говорят в связи с языковой картиной мира, осуществляется в действительности не языком, а когнитивными классификаторами и принадлежит когнитивной картине мира. Язык вовсе не членит действительность – он отражает, фиксирует когнитивное членение, осуществляемое концептосферой – непосредственной, первичной картиной мира, язык лишь сигнализирует о таком членении.

Язык является механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. С культурой напрямую связан и текст, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном

поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры, Текст – набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низшего уровня, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал.

Художественная картина мира – это опосредованная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя – при восприятии других произведений искусства).

Вторая глава «Лингвокультурологически значимая лексика, репрезентирующая православные реалии» посвящена исследованию культурно маркированной лексики, в том числе и тех групп слов, которые на первый взгляд не имеют ничего общего с религиозной тематикой. Включение данных групп слов обусловлено спецификой анализируемых художественных текстов.

«Лето Господне» и «Богомолье» – это произведения, в которых «Россия и православный строй ее души показаны силою ясновидящей любви» (И.А. Ильин). Христианская основа жизни определила эстетическую природу творчества И.С. Шмелева. Творчество И.С.Шмелева, по словам И.А. Ильина, есть «художественное созерцание религиозного бытия России, скрытого за повседневным бытием» [Ильин 1997: 505].

Обращает на себя внимание тот факт, что между временем действия и временем написания произведений «Богомолье» и «Лето Господне» прошел не один десяток лет. Поэтому отбор лексики, обладающей этнокультурной коннотации не случаен: это то, что сохранила авторская память, создавая образ навсегда ушедшей России.

Лингвоспецифичная лексика, выявленная в произведениях И.С.Шмелева методом сплошной выборки (см. таблицу 1), была распределена на 15 лексико-семантических групп (далее – ЛСГ).

Таблица 1

Лексико-семантическая группа	«Лето Господне», «Богомолье»
Пища, напитки	78 слов
Культы	71 слово
Топонимы	60 слов
Одежда, обувь	55 слов
Жилье, мебель, посуда и другая домашняя утварь	51 слово
Труд	26 слов
Православные знаменательные даты	25 слов
Меры и деньги	25 слов

Транспорт	23 слова
Православные обычаи и ритуалы	13 слов
Игры	11 слов
Бытовые заведения	8 слов
Органы и носители власти	5 слов
Музыкальные инструменты	3 слова
Военные реалии	2 слова

Анализ выявленных групп показал, что наименования пищи и напитков занимают лидирующую позицию в произведениях И.С. Шмелева. В составе исследуемой ЛСГ выделяются две подгруппы. В первую входят лексемы, называющие реалии, которые не имеют эквивалентов в других культурах (безэквивалентная лексика) – *калья* ‘суп, приготовленный на огуречном рассоле, с огурцами, свеклой и мясом’, *«рязань»* ‘мелкие мороженые яблочки, привозимые по зимнему пути’, *«грешники»* ‘слоеные постные пирожки’, ср.:

А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурцами... а талая, сладкая-сладкая «рязань»... (Лето Господне, с. 259).

Вторая подгруппа – это фоновая лексика, которая, будучи переводимой, включает в своем значении национально-культурные семантические доли. Например, лексема *хлеб* сочетается со следующими адъективами, которые указывают на специфичность данной реалии, характерной для русской культуры, ср.: *хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный, пеклеванный*.

Интересен тот факт, что среди наименований пищи практически отсутствуют мясные блюда, в то же время преобладают рыбные или приготовленные из зерновых культур, которые, как правило, связаны с той или иной знаменательной датой. Так, с Великим Постом связаны такие наименования блюд, как *ботвинья* ‘холодное кушанье из кваса, свекольной ботвы и кваса’, *пшеник* ‘род пшеничного каравая, крутая каша на молоке и яйцах’). Ср.:

Все это пахнет по-своему, вязко, свежо и остро, наполняет всю комнату и сливается в то чудесное, что именуется ботвинья (Богомолье, с. 134).

Заслуживает внимания тот факт, что рыба в христианском толковании стала символом Христа. В Евангелии много пишется о ловле рыбы, где рыбаки – это Христос и апостолы, а рыбы – это люди, пойманные ими для христианской веры.

Активно функционируют в произведениях Шмелева языковые единицы ЛСГ «Знаменательные даты», «Культы», «Обычаи, ритуалы». Несмотря на то, что большинство данных лексем этимологически восходит к древнегреческому языку (*аналой* ‘высокий столик, на который кладут

иконы', *дикирий* 'светильник на две свечи'), они являются лингвокультурологически значимыми для характеристики русского православия.

Не менее важны и топонимы, в состав которых автор включает названия различных культовых сооружений: монастырей (*Донской, Зачатьевский*), церквей (*Григорий Кесарийский, Риз Положение*), храмов (*Успенский собор*), часовен (*Николая Чудотворца*). Таким образом происходит сакрализация текстового пространства. Ср.:

Налево – золотистый, легкий, утренний храм Спасителя, в ослепительно золотой главе... (Богомолье, с. 149).

Роль ЛСГ «Жилье», «Транспорт», «Органы и носители власти», «Денежные единицы» заключается в том, что указанные лексемы конкретизируют пространство художественного текста.

Культурная маркированность выявленных единиц определяет особенности их функционирования. Широко представлены слова, обозначающие наименования пищи (*блин, вязига*), знаменательных дат (*Пасха, Благовещение, Рождество*), культовая лексика (*амвон, паникадило, трикирий*) и т.д. Подобное распределение лингвоспецифичной лексики объясняется замыслом автора, который в своем творчестве стремится отразить мысль о важности русского православия в формировании национальной культуры, национального характера. В этом взгляды И.С. Шмелева созвучны идеям философа Н. Бердяева, считающего, что «в типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [Бердяев 1991: 79].

Связь материального и духовного в жизни героев демонстрируется через соединение лексем-наименований пищи и языковых единиц, называющих знаменательные даты русского православного календаря (Крестопоклонная (неделя) – *маковые «кресты»* 'постное печенье в виде крестов', Масленица – *блины*; Вознесение – *Христовы лесенки* 'постное печенье в виде двух жгутов, соединенных перекладами'). Характерно, что лексика знаменательных дат различным образом семантизируется автором (через тексты молитв, ассоциативные ряды слов, описание обрядов, связанных с датами церковного календаря). Ср.:

Рождество...

Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово видится мне голубоватым. Даже в церковной песне –

Христос рождается – славите!

Христос с небес – срящите! –

слышится хруст морозный (Лето Господне, с. 345).

Соединение дохристианского и христианского находит отражение в ритуальной лексике (ср.: святочные гадания по кругу царя Соломона, масленичные гуляния).

Анализ пространственно-временной организации произведений И.С. Шмелева выявляет, что в русской православной культуре нашла отражение архетипическая модель мира. Архаическое мировидение русской православной культуры реализуется на различных уровнях исследуемых художественных текстов и проявляется в названии одного из произведений. Словосочетание «Лето Господне» – это не только аллюзия к библейскому тексту («проповедовать лето Господне благоприятное» – Евангелие от Луки, 4:12), но и указание на год как временной промежуток, цикл, ср. др.-рус. *лето* – время; год; время года [Срезневский 1912, II: стлб 77].

Не случайным является то, что одна из первых глав романа «Лето Господне» носит название «Мартовская капель». Общеизвестно, что на 22 марта приходится день весеннего равноденствия, который особо почитался в традиционной народной культуре. Считалось, что в этот день в годичном круговороте Весна, олицетворяющая собой оживление и возрождение природы, приходит на смену Зиме. Именно с марта у славян начинался новый год. Ср.:

<...> это веселая мартовская капель. Она вызывает солнце (Лето Господне, с. 272).

В анализируемых произведениях четко прослеживается основной постулат православия – Святая Троица. При этом в православном представлении не человек восходит к Богу, а нисходит сама Божественная Троичность. В текстах И.С. Шмелева воплощением Святой Троицы является своеобразная триада: главный герой Ваня, его отец Сергей, работник Горкин. Горкин – это «проводник», медиатор, духовный наставник Вани. Фамилия этого героя вызывает ассоциации с Мировой Горой (Мировым Древом). Этот традиционный для народной культуры символ считается осью мира, своеобразной «перегородкой между смертными людьми и божествами» [Маковский 2006: 104]. По-видимому, не случайно отец главного героя называет его Горкой, а сам Ваня при описании Горкина использует сакральные, религиозные наименования. Ср.:

Я знаю, что он святой. Такие – угодники бывают. А лицо розовое, как у херувима, от чистоты (Лето Господне, с. 257).

В то же время Горкин – это олицетворение Святого Духа из «земной Троицы»:

Бежим к нему [отцу Варнаве], а он и говорит Горкину:

– А, голубь сизокрылый... (Богомолье, с. 244).

Мальчик Ваня и его отец Сергей Иванович также входят в состав своеобразной триады. Именно образом святой Троицы благословляет главного героя отец перед кончиной. Ср.:

Образ-то какой хороший, ласковый. Пресвятая Троица... (Лето Господне, с. 605).

Роман «Лето Господне» начинается с описания Великого Поста, периода очищения, что напрямую связано с авторским замыслом – не просто рассказать о детских годах главного героя – мальчика Вани, о его семье,

нравах и обычаях дореволюционной России, но и проследить путь становления человеческой души.

Как пишут богословы, Великий Пост имеет миссионерское происхождение. Эти 40 дней вначале постились язычники, которые хотели принять крещение. Великий Пост зародился как пост солидарности, как сугубое время молитв христиан не столько о себе даже, сколько о тех людях, которые только приходят к православной вере. Древние христиане считали, что Четыредесятница – это время, когда мы идем навстречу Богу, Страстная Седмица – это время, когда Господь идет к нам (<http://orthodox.etel.ru/2007/07/kuraev.htm>).

В этой связи становится понятной первая фраза романа «Лето Господне»: *Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный* (Лето Господне, с. 256). Это сопоставимо с ощущениями новорожденного в первые минуты после появления на свет. Ребенок в соответствии с народными представлениями приходил на «этот свет» из потустороннего мира. «Ограниченное, закрытое, тесное, узкое, темное = «ночное» пространство *иного* мира сменяется неограниченным, открытым, свободным, широким, светлым = «дневным» пространством *этого* мира» [Цивьян 2009: 178-179].

В течение первых сорока дней связь ребенка с иным миром считается разорванной не полностью. Переход из одного мира в другой должен быть постепенным. Значит, выбор И.С. Шмелевым Великого Поста в качестве исходной точки не случаен: «новорожденная» душа героя начинает свой путь к Богу.

В романе «Лето Господне» событийный круг завершается смертью. Несмотря на то, что умирает отец главного героя осенью, на следующий день после своих именин, тем не менее, в момент описания похорон у рассказчика возникают ассоциации именно с Великим Постом, с которого началось повествование. Таким образом, автор подчеркивает вечность, повторяемость жизненного цикла (смерть – это начало нового, а Великий Пост предшествует Пасхе, воскрешению).

В языке произведений И.С. Шмелева цикличность времени представлена через взаимодействие единиц ЛСГ «Знаменательные даты» и «Пища, напитки», тем самым подчеркивается заданность, повторяемость, неизменность событий в жизни героев. Календарная обусловленность блюд позволяет И.С. Шмелеву снять оппозицию материального и духовного, указать на отсутствие аскетизма, пренебрежения телесным. Например:

А по субботам, с Пасхи до Покрова, пекли ватрушки. И дни забудешь, а как услышишь запах печеного твораго, так и знаешь: суббота нынче (Лето Господне, с. 321).

При описании праздников, знаменательных дат И.С. Шмелев акцентирует внимание и на повторяемости обрядов:

Когда зажигает отец, - по субботам он сам зажигает все лампадки, - всегда напевает приятно-грустно: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», и я напеваю за ним, чудесное:

И свято-е Воскресе-ние Твое Сла-а-вим!...(Лето Господне, с. 258).

Таким образом, можно сказать, что время в анализируемых произведениях повторяемо, неизменно, подчеркнуто ретроспективно.

В отличие от категории времени границы пространства, напротив, подвижны: то сужаются до крошечной точки комнаты главного героя, то раздвигаются, охватывая всю Россию.

Путь играет роль семантической связности пространства художественного текста. Следуя своим путем, герой проходит периферию и обязательно центр текстового пространства, который максимально семиотичен и исключительно важен для понимания и интерпретации текста. Пространство возникает через развертывание, распространение его вовне по отношению к некоему центру. В произведениях И.С. Шмелева таким центром является двор, через него проходит ось разворота пространства:

Кажется мне, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде (Лето Господне, с. 297).

Центром двора, в свою очередь, является лужа, ассоциируемая у читателя с лужей в гоголевском Миргороде и превращенная работниками в «священное озеро». Данный образ-символ отражает ментальное поведение русских людей – не переделывать природу, а быть в гармонии с ней, не нарушая установленный мировой порядок:

– И не трожь ее лучше, Вася... – советует и Горкин. – Спокон веку она живет. Так уж тут ей положено. Кто ее знает... может, так, ко двору прилажена!.. И глядеть привычно, и уточкам разгулка... (Лето Господне, с. 276).

Сакральное и бытовое не существует по отдельности, одно переходит в другое. Сакральное пространство писатель включает в бытовое, обыденное пространство двора, улицы, Москвы:

Кажется мне от ящика, что растет в алтаре трава. На амвоне насыпано так густо, что диакон путается в траве, проходит в алтарь царскими вратами, задевает плечами за березки, и они шелестят над ним. Это что-то... совсем не в церкви! Другое совсем, веселое (Лето Господне, с. 328).

При этом автор опирается на аудио-моторное синестетическое восприятие: все объекты, особенно движущиеся, вызывают ощущение колокольного звона. Ср.:

Звон-трезвон. С неба падает звон, от крыши и сеновалов, от голубей, от скворешин, льется от этих лиц, веселых и довольных, от мелькающих по рукам лиц, от встряхивающихся волос враскачку (Лето Господне, с. 310).

В тексте романа активно функционирует лексика, обозначающая природные явления, которая в строгом смысле не являясь лингвоспецифичной, обладает ярко выраженной культурной коннотацией. Единство сакрального и профанного проявляется в единении природного и божественного, православного:

Вечер золотистый, тихий. Небо до того чистое, зеленовато-голубое, - самое Богородичкино небо (Лето Господне, с. 292);

Небо над Лаврой святое, голубое (Богомолье, с. 247).

Таким образом, анализ функционирования культурно маркированной лексики позволяет вскрыть глубокие архетипические пласты православного мировосприятия, реализуемые в творчестве И.С. Шмелева.

Лексика с национально-культурным компонентом значения позволяет создать ментальные модели лингвокультуры, являющиеся важными составляющими языковой картины мира русского православия.

Анализ лингвокультуры «пища», «Великий Пост» продемонстрировал, что каждая из них служит отражением и понятийного, и предметного уровней русской культуры.

Содержание лингвокультуры «пища» в автобиографической дилогии И.С. Шмелева может быть раскрыто на основе конкретных вербализаторов, их парадигматических и синтагматических связей, представленных в текстах. В произведениях «Богомолье» и «Лето Господне» представлено более 100 контекстов, которые демонстрируют национально-культурную специфику названной лингвокультуры. При рассмотрении представленных фрагментов можно выделить несколько наиболее содержательных компонентов исследуемой лингвокультуры, представляющих собой своеобразную ментальную модель архетипического образа пищи. Например:

1. Пища как знак благодарности или способ поощрения:

– *А в Благовещенье на кулебячку не забудь позвать, напхни старосте... – хрипит Ломшаков, заглатывая подкову с маком. – С прошлого года вашу кулебячку помню* (Лето Господне, с. 180).

Использование пищи в качестве благодарности является традиционным во всех культурах.

2. Пища как символ объединения людей:

Щи со свиной – как огонь, а все хлебают. Черпают из красной чашки, несут ко рту на хлебце, чтобы не пролить, и – в рот, с огнем-то! Жуют неспешно, чавкают так сладко. Слышно, как глотают, круто.

– *Таскай свининку, по череду!* (Лето Господне, с. 362).

Представленный контекст демонстрирует бережное отношение русских людей к пище как божественному дару, указывает на невыделенность субъекта, ритуализацию процесса приобщения к еде.

3. Пища как указание на богатство стола дореволюционной России и широту русской души. Данный семантический компонент лингвокультуры «пища» обусловил выбор автором в качестве средств художественной выразительности приема гиперболизации, повтора слов и использование рядов однородных членов номинативного характера. Например:

Сайки, баранки, сушки... калужские, боровские, жиздринские, – сахарные, розовые, горчишные, с анисом – с тмином, с сольцой и маком... переславские бублики, витушки, подковки, жавороночки... (Лето Господне, с. 281).

4. Приготовление и прием пищи как соблюдение традиции:

У нас не как у Жирнова там, не калачами разгавливаемся, а ешь по закону, как указано. Дедушка его покойный как указал, так и папашенька не нарушает (Лето Господне, с. 306).

Автор подчеркивает, что в жизни героев кроме постулатов православия присутствует «закон», традиции, завещанные предками, которые зачастую оказываются важнее, чем строгий церковный канон.

Особенно важно, что в составе лингвокультуры «пища» содержатся и компоненты, указывающие на сакральную семантику лексем-наименований блюд и напитков. Ср.:

1. Пища как сакральный символ.

На Вознесенье пекли у нас лесенки из теста – «Христовы лесенки» – и ели их осторожно, перекрестясь. Кто лесенку сломает – в рай и не вознесется, грехи тяжелые. Бывало, несешь лесенку со страхом, ссунешь на край стола и кусаешь ступеньку за ступенькой (Лето Господне, с. 320).

Характерно, что названия блюд нередко выступают символом того или иного праздника, в определенные дни эти блюда должны были обязательно стоять на столе (*блины* – на Масленицу, *«пасха»* – на воскресение Христа, на Пасху, *яблоки* – на Яблочный Спас, на Преображение).

2. Пища как неперемный атрибут знаменательной даты в церковном календаре. Значительная часть контекстов, связанных с этим содержательным компонентом лингвокультуры, представляет собой группы однородных членов номинативного характера, выраженных сочетанием существительных-наименований пищи с относительными прилагательными или эпитетами, ср.:

Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост... Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... (Лето Господне, с. 259);

Указывая на календарную заданность блюд, И.С. Шмелев подчеркивает упорядоченность быта и гармоничность внутреннего мира героев.

3. Пища как символ святости:

Я знаю, что он [Горкин], насушил себе черных сухариков с солью, и весь пост будет с ними пить чай – «за сахар» (Лето Господне, с. 257).

Скромная пища (молочная, мясная), запрещенная во время поста православием, в сознании героев И.С. Шмелева символизирует грех, и в то же время постные блюда – знак своеобразной святости, очищение от греха, ср.:

И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? (Лето Господне, с. 257).

В художественном дискурсе лингвокультура «пища» вербализуется с помощью различных изобразительно-выразительных средств. Так, лексемы-номинанты лингвокультуры «пища» реализуют свое значение в составе сравнений с природными явлениями (таяющий почерневший снег – толченые орехи – халва – снег грешный):

Даже веселый снег, вчера еще так хрустевший, вдруг почернел и мякнет, стал как толченые орехи, халва-халвой, – совсем его развезло на площади. Будто и снег стал грешный (Лето Господне, с. 265).

Два последних примера демонстрируют дублетность, взаимозаменяемость понятий, принадлежащих, казалось бы, к совершенно разным жизненным сферам. Это указывает на такое свойство индивидуально-авторской картины мира И.С. Шмелева, как синкретичность.

Анализируемые в работе контексты имеют следующие лингвистические особенности:

- эмоциональная экспрессивность деминутивов в употреблении наименований пищи (*изюмец, апельсинчик, квасок, кулебячка*);
- семантическая метафоризация, переосмысление абстрактных понятий для названий пищи (*«грешник», «золоченый пряник «масленицы»*);
- прием лексического повтора при атрибуции наименований различных блюд (*На красном деревянном блюде дымится грудка красной солонины; сладкая-сладкая «рязань»*).

Можно сделать вывод, что вербализаторы лингвокультуры «пища», функционируя в произведениях И.С. Шмелева, передают не только своеобразие индивидуально-авторской картины мира писателя, но и актуализируют с помощью данной лингвокультуры яркость и глубину национальной картины мира русских.

Следует отметить, что для православных христиан календарь – это не месяцы и числа, а праздники и посты. Освоение христианского календаря носило глубоко национальный характер, то есть имела место ментализация освоения времени. Этот процесс шел по пути наделения каждого временного отрезка характеризующим его признаком, свойством.

В сознании людей начала XX века дата и церковный праздник дополняли друг друга, причем это было характерно для представителей разных сословий. Праздники как сакральное время, посвященное божественным силам, противопоставлялись профанному времени будней:

Завтра праздник таков великий, что никто ничего не должен делать, а только радоваться, потому что если бы не было Благовещенья, никаких бы праздников не было Христовых, а как у турок (Лето Господне, с. 283).

Любая знаменательная дата в народном календаре – это время взаимодействия мира земного и мира потустороннего:

И что-то особенное около нас, невидимое, страшное (Лето Господне, с. 258).

Так как в момент праздника происходит взаимодействие человека с миром иным, то пространство на это время определенным образом сакрализуется, очищается. Происходит это посредством проведения определенных обрядов, ритуалов. Ритуальные действия выходили за рамки христианской обрядности.

Например, процесс «выкуривания масленицы» в Чистый понедельник:

Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают

уксусом. Старая моя нянька Домнушка ходит за Горкиным и поливает, в тазу шипит и подымается кислый пар – священный. <...> Он [Горкин] обходит углы и тихо колышет тазом (Лето Господне, с. 257).

Идущие с глубокой древности обряды впоследствии слились с христианством, сохраняя, однако, аграрно-магический смысл. Например:

<...> мы идем выжигать кресты. Выжигаем над дверью кухни, потом на погребнице, в коровнике...

– Он теперь никак при кресте не может. Спаси Христос... – крестясь, говорит она и крестит корову свечкой. – Христос с тобой, матушка, не бойся... лежи себе (Лето Господне, с. 297).

Великий Пост – это уникальное время, это заключительный этап одного цикла и начало другого. С этим связано соблюдение похоронной обрядности в это время:

Канун и аналои одеты в черное. И ризы на престоле – великопостные, черное с серебром. И на великом Распятии, до "адамовой головы", – серебряная лента с черным.

И все преклонили голову, и все вздыхают (Лето Господне, с. 268).

Черный цвет символизировал оберег (особенно на похоронах, где цвет одежды защищает провожающего покойника от злых сил, которые окружают умершего).

Лингвокультурема «Великий Пост» эксплицируется в тексте произведения следующим образом:

– с помощью прямых лексических дефиниций, указывающих на функциональность данного понятия:

Душу готовить надо; душа начнется; очистить душу от всех грехов; Такое время, все равно как последние дни пришли... по закону-то! И что-то особенное около нас, невидимое и страшное; такое, как душа расстается с телом (Лето Господне, с. 258).

Частое повторение слова «душа» не случайно: по мнению И.С. Шмелева, Великий Пост – это, прежде всего, смирение не плоти, а духа:

<...> надо очистить душу от всех грехов, и потому все кругом – другое (Лето Господне, с. 258);

– через сочетаемость с признаковыми словами, имеющими в структуре значения положительную или отрицательную оценку: дни поста характеризуются как «грустные», «другие», «новые», «особенные», «страшные», «строгие»;

– дериваты «постный» и «великопостный» частотны в тексте романа и обладают широкой сочетаемостью с единицами различных тематических групп: *постный, великий грибной рынок; великопостные, самые расхожие, с бурыми пятнышками-щербинками тарелки; великопостная, большая стирка; постная, «голового» стекла лампадка; постная молитва; постный благовест; великопостные, черное с серебром ризы на престоле; постные пирожки (пироги);, постный сахар; постное угощение – бараночки;*

– лингвокультурема «Великий Пост» функционирует в тексте и в составе сравнения:

Весело у нас Постом-то?а? Как ярмонка. Значит, чтобы не грустили (Лето Господне, с. 281).

Единицы ЛСГ «Природа» в текстах И.С. Шмелева обнаруживают ярко выраженный экспрессивный компонент, реализуемый в сочетании с оценочными прилагательными (*свет – голый, скучный, холодный; небо – серое, скучное, но на Благовещение – чистое, зеленовато-голубое, самое Богородичкино; снег – грешный*), а также с помощью авторской метафоры (*зеленые куски льда, – будто постный лимонный сахар; снег стал как толченые орехи, халва-халвой; дорога течет, едем, как по густой ботвинье*).

Характерно, что выявленные слова ЛСГ «Предметы культа» (*аналой, канун, лампада, престол, риза*), «Обряды, обычаи» (*благовест, ефимоны, молитва*), «Представители власти» (*будочник*), «Денежные единицы» (*целковый*), «Единицы измерения» (*фунт*) обладают единичным словоупотреблением при экспликации лингвокультуры «Великий Пост».

Таким образом, лингвокультура «Великий Пост» у И.С. Шмелева является одной из ключевых для понимания русской культуры, русского характера, так как содержит в себе идею прощения, понимание зыбкости, иллюзорности границы между земным и небесным миром, стирание оппозиции между материальным и духовным.

Третья глава «Ключевые понятия русской православной культуры» посвящена анализу лингвокультур «Бог», «душа», «грех».

Многие исследователи отмечают, что такие понятия, как «Бог», «душа», «грех», не являясь в строгом смысле лингвоспецифичными, в каждой культуре наполняются своим содержанием за счет коннотативных компонентов значения (А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев, Анна А.Зализняк, Л.Г. Зубкова, Л.В. Базарова).

Следует отметить, что все три лингвокультуры пересекаются с понятием «человек», которое входит в парадигму русской православной языковой картины мира.

Лексика произведений И.С. Шмелева, истоками которой являются фольклор, классическая литература, религиозные тексты, призвана воссоздавать жизнь русского народа.

Понятие «Бог» в анализируемых художественных текстах раскрывается через разветвленную систему лексем-именований Бога и Богородицы. Данная лингвокультура в произведениях И.С. Шмелева обладает различными семантическими характеристиками: *создатель, творец, источник жизни, свет*. Несмотря на наделение главного объекта религиозной коммуникации сверхъестественными качествами (*всеведение, премудрость, правосудие*), лингвокультуре «Бог» свойственна антропоморфная концептуализация.

Языковая реализация лингвокультуры «Бог» представлена разнообразными производными (*боголюбивый, богомолец, богослужение*) и широкой сочетаемостью с глаголами действия, в которых лексема «Бог» выступает в качестве предиката (*взять (что-либо, кого-либо, к Себе), видеть, возлюбить, даровать, дать, дозволить, жаловать, зайти, знать, избрать, исторгнуть (реки), исцелить, любить, миловать, наградить, назначить*

(обитель), наказать, ниспослать, поставить (по правую руку), прогневаться, судить, указывать и др.).

Лингвокультурема «душа» характеризуется как средоточие человеческой жизни (такое отождествление имеет глубоко мифологические корни). Герои анализируемых произведений воспринимают душу как вместилище внутренних состояний человека, хранилище всего сокровенного, без чего невозможна жизнь.

В художественных текстах И.С. Шмелева часто присутствует мотив неразрывной связи телесного и духовного и в то же время – противопоставление материального в значении ‘корысть, жажда наживы’ духовному:

*Хочу **потрудиться, и душой, и телом*** (Лето Господне, с. 553);

*Говорит мне [Горкин], что **этого** [уважения] **за денежки не купишь, душой любят*** (Лето Господне, с. 560).

Лингвокультурема «грех» представлена следующим образом: это изначальное свойство человеческой души, от которого необходимо избавиться, очиститься. Исследуемая лингвокультурема применяется в отношении не только в сакральном, но и профанном значении. Семантика лексемы «грех», имеющей отрицательную коннотацию, раскрывается в оппозиции к понятию «высоконравственный человек».

Творчество И.С. Шмелева изучается в рамках школьной программы по литературе. Многие старшеклассники отмечают сложность восприятия произведений этого писателя. На наш взгляд, это объясняется не только тем, что предметный мир дореволюционной России достаточно далек от современного читателя, но и многомерностью, метафоричностью, образной сложностью того пласта творчества И.С. Шмелева, который связан с ключевыми понятиями русского православия.

В связи с этим представляется важным проследить, сохраняются ли в сознании современных читателей схожие представления о таких понятиях, как «Бог», «душа», «грех».

Цель проводимого нами исследования – экспериментальным путем определить содержание лингвокультурем «Бог», «душа», «грех» в сознании старшеклассников.

Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования методом субъективных дефиниций.

Участникам эксперимента предлагалось выполнить следующие задания:

1. Что вы понимаете под словом «Бог»?
2. Дайте свое определение слову «душа».
3. Сформулируйте правильное, на ваш взгляд, определение слова «грех».

Все три лингвокультуры старшеклассники относят к области религии, причем необязательно православной, то есть для информантов

данные понятия могут рассматриваться как в контексте мировой культуры, так и обладать национально-культурной спецификой.

По своим основным характеристикам лингвокультурема «Бог» в восприятии героев И.С. Шмелева и современных учащихся схожи: это нечто непознанное, таинственное, высшее существо. Школьниками делаются попытки представить внешний облик Бога, при этом акцентируется внимание на его антропоморфности.

При характеристике лингвокультуры «душа» участники эксперимента указывают на такие семантические компоненты, как внутренний мир человека, бессмертие. Лингвокультурема «грех», по мнению старшеклассников, связано с муками совести, чувством вины.

В то же время информанты утверждают, что исследуемые лингвокультуры служат выражением социальных норм, регулирующих жизнь в обществе, а существование Бога и души требует доказательств.

Таким образом, анализ результатов ассоциативного эксперимента показал, что изменения в восприятии лингвокультурем «Бог», «душа», «грех» несущественны, основные семантические характеристики ключевых понятий сохраняются.

В заключении подведены итоги исследования и представлены его основные научные результаты.

Изучение лингвоспецифичной лексики позволяет сделать вывод о том, что мир в представлении героев романа и самого И.С. Шмелева архаичен, синтетичен и метафоричен. Автор подчеркивает существование скрытой связи между явлениями разного порядка (мира бытового и сакрального). Духовность проявляется не только в соблюдении определенных обрядов, но и в самом образе жизни православных людей. Пониманию этого способствует включение автором в текстовое пространство произведений лингвокультурологически значимой лексики. С ее помощью И.С. Шмелев «реконструирует здание навсегда ушедшей России». «Вещность», зримость, осязаемость реалий православного мира позволяет автору подвести читателя к осознанию духовной сущности русской жизни.

Следует отметить, что художественное произведение, прежде всего, отражает индивидуальную картину мира писателя, но в нем присутствуют и фрагменты национальной картины мира. Исследование семантического пространства художественного текста обязательно включает следующие универсалии: «человек», «время», «пространство». Многие филологи указывают на знаковый характер пространственно-временной организации текста (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров).

В произведениях И.С. Шмелева отражено цикличное представление о времени, которое является наиболее древним, архаическим. Данное свойство характерно для категории русского времени в целом, что не раз отмечалось исследователями (Г.Д. Гачев, В.В. Колесов).

В отличие от категории времени, пространство исследуемых произведений подвижно при внешней статичности, отсутствии интриги в

сюжете. Представление о жизни как о пути, как о крестном ходе характерно для героев автобиографической дилогии И.С. Шмелева.

Анализ лингвокультурем «пища», «душа», «Бог», «грех», «Великий Пост» продемонстрировал, что каждая из них служит отражением и понятийного, и предметного уровней русской культуры. В ходе исследования была выявлена широкая семантическая структура данных лингвокультурем, а также их обширные синтагматические и парадигматические связи.

Реконструкция ментальных моделей лингвокультурем осуществлялась на основе анализа их семантики, деривационных возможностей, сочетаемостных связей, грамматической оформленности, вычленения формируемых лексико-семантических групп и авторской метафоризации.

Шмелевская картина мира свидетельствует о наличии двух противоположных начал: с одной стороны, природной, дохристианской стихии, с другой стороны, аскетического православия. Для героев произведений жизнь полна сакрального, мистического смысла, нацеленного на поиск «потаенного бытия», скрытого смысла вещей и человеческих явлений. Дохристианские основы русского сознания предстают в оцерковленном виде.

Душевность и духовность русских, усиленная православием, – приоритет духовно-нравственных мотивов жизненного поведения и труда по сравнению с материальными, экономическими, политическими и т.п. Русская культура построена на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы.

Понятия, репрезентируемые в произведениях И.С. Шмелева путем использования православной лексики, обладают огромным информационным потенциалом, разнообразными историко-культурными коннотациями, являются хранителями значимой для определенного социума информации. Содержание и ценностная составляющая таких понятий с течением времени меняется, что приводит к появлению в их структуре «культурного осадка» прошлых эпох, на который наслаиваются новые, современные смыслы и оценки.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в реестр ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Багманова Л.Н. Репрезентация лингвокультуремы «пища» в романах И.С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне» / Г.Х. Гилязетдинова, Л.Н. Багманова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Том 154, кн. 5. – Казань, 2012. – С. 151-155.

2. Багманова Л.Н. Особенности восприятия современным читателем лингвокультурем-понятий русской православной культуры / Л.Н. Багманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. - № 3 (21). – С. 26-28.

II. Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3. Багманова Л.Н. Лексика с национально-культурным компонентом значения / Л.Н. Багманова // Вопросы развития современной науки в России: сборник научных статей. – Бугульма: НО «ФЭН-НАУКА», 2011. – С. 77-80.
4. Багманова Л.Н. Наименования бога в повести И.С. Шмелева «Лето Господне» / Л.Н. Багманова // Межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в условиях глобализации: на пути к формированию гражданской идентичности: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во «ТАИ», 2012. – С. 271-274.
5. Багманова Л.Н. Лексическая экспликация концепта «грех» в творчестве И.С. Шмелева / Л.Н. Багманова // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием. – Т. II. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – С. 283-288.
6. Багманова Л.Н. Лингвокультурно значимые лексические единицы в произведениях И.С. Шмелева / Г.Х. Гилязетдинова, Л.Н. Багманова // Сохранение и развитие языков в условиях национального государства: проблемы и перспективы: труды и материалы Всероссийской научно-практической конференции (19-21 октября 2012 г.) / Под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2012. – С. 38-40.